

В таверне.

Лу Сяофэн вертел в руках женский карандаш для бровей и вырисовывал что-то на лице, глядя в таз с водой.

Он вздохнул:

— Мне часто доводилось видеть, как женщины красят брови, и даже самому доводилось рисовать их женщинам, но я никак не ожидал, что настанет день, когда я и сам испробую это удовольствие — наводить красоту на собственном лице.

Его лицо сморщилось, став похожим на бледную, пухлую булочку с защипами.

Рядом раздался сдержанный смешок.

Хуа Маньлоу стоял неподалеку с улыбкой на лице:

— Хочешь, я помогу тебе?

Он засучил рукава, протянул руку и попытался взять карандаш для бровей.

— Не нужно, — решительно отказался Лу Сяофэн.

Хуа Маньлоу усмехнулся:

— На самом деле ты и в таком виде очень даже неплох. По-моему, это даже симпатичнее, чем когда у тебя было четыре брови.

Услышав это, морщины на лице Лу Сяофэна стали еще глубже, и он бросил на друга выразительный взгляд.

— Тогда подожди, пока мои четыре брови отрастут, и любуйся на здоровье! Я все-таки предпочитаю быть с бровями.

Он продолжил рисовать брови и вздохнул:

— Вообще-то, мне следовало додуматься до этого прекрасного способа гораздо раньше.

Сейчас он горько раскаивался: ему стоило заблаговременно нарисовать себе и усы, и брови, и тогда, когда Цитун всё это увидел бы, он бы не стал так смеяться.

— Эх, — снова вздохнул Лу Сяофэн.

Однако, опустив взгляд и заметив в воде отражение насмешливого лица Хуа Маньлоу, Лу Сяофэн с забавной досадой покачал головой.

С тех пор как Хуа Маньлоу увидел его в таком растерянном виде, он не переставал вот так загадочно улыбаться, и Лу Сяофэн даже не знал, то ли ему сердиться, то ли смеяться.

Но раз уж он мог порадовать хорошего друга, то и сам был рад, даже если над ним подшучивали, тем более что настроение у него самого было отличным.

Быстро дорисовав брови и усы, Лу Сяофэн взглянул на свое отражение и попытался себя утешить.

Братся за карандаш его заставило не только уязвленное насмешками Хуа Маньлоу самолюбие, но и предстоящий званый обед.

Узнав, что к Хуа Маньлоу вернулось зрение, Клан Хуа преисполнялся глубочайшей благодарности к Лу Сяофэну. Как раз в этих краях по делам находился второй брат Хуа Маньлоу, Хуа Маньцан, который непременно хотел отблагодарить Лу Сяофэна, а заодно повидать чудо-целителя, вернувшего зрение Хуа Маньлоу, чтобы выразить свою признательность лично.

Являться на званый обед с прежней физиономией лущеного яйца Лу Сяофэн, конечно же, не мог, да и позволить себе стать посмешищем для еще большего числа людей он был решительно не намерен. Второму брату Хуа этот обед казался событием чрезвычайной важности, и он специально арендовал лучший ресторан в этих местах — Башню Жуи.

Ресторан был отделан с ослепительной роскошью, сверкая драгоценностями и жемчугом. Даже опорные столбы по периметру были украшены бесчисленными крупными жемчужинами, а с потолка спускались шелковые занавеси, создавая атмосферу таинственности и изысканности.

Хуа Маньцан заблаговременно вышел к самому входу, чтобы встретить гостей.

— Ха-ха, уважаемые гости прибыли издалека, простите, что не встретил вовремя!

Хуа Маньцан уже перешагнул рубеж в тридцать лет, и разница в возрасте с Хуа Маньлоу была весьма значительной, поэтому к младшему брату он относился скорее как к собственному сыну. В былые годы они метались повсюду в поисках исцеления для глаз Хуа Маньлоу, обойдя бессчетное количество прославленных лекарей. Теперь же, когда зрение Хуа Маньлоу полностью восстановилось, лицо самого Хуа Маньцана сияло от счастья, и он переполнялся такой благодарностью к исцелившему его Данчи, что даже не знал, какими словами выразить свои чувства.

— Должно быть, это и есть тот самый чудо-целитель, что исцелил Цитуна! Большое спасибо вам за помощь. Клан Хуа приготовил скромный дар в знак признательности, мы преподнесем его чуть позже. — Хуа Маньцан с глубоким уважением сложил руки в поклоне и отвесил почтительный поклон.

В противовес его бурному энтузиазму Данчи держался крайне холодно:

— Я исцелил его, потому что заключил сделку с Лу Сяофэном. Мы получили то, что хотели, и благодарить меня не за что.

Услышав это, Хуа Маньцан повернулся, похлопал Лу Сяофэна по плечу и с чувством произнес:

— Лу Сяофэн, огромное спасибо тебе за всё, что ты сделал ради Цитуна. Как здорово, что у Цитуна есть такой друг.

Смущенный похвалами, Лу Сяофэн потрогал усы:

— Второй брат Хуа, ты преувеличиваешь. Цитун — мой друг, и я был обязан сделать это для него.

Хуа Маньцан с улыбкой кивнул.

Поскольку Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу дружили, остальные члены Клана Хуа тоже прекрасно его знали, поэтому второй брат не стал продолжать пышные речи с благодарностями.

— Я уже заказал здесь праздничный обед, давайте пройдем внутрь, поедим и заодно поболтаем! — с этими словами он повел гостей вглубь зала.

Войдя, Данчи бросил взгляд на жемчужины, украшавшие опорные столбы, и в его глазах промелькнуло легкое презрение.

Сияние духовной энергии потускнело, полезные свойства испарились, толку от них больше никакого.

Подняв голову, он осмотрел остальные — ситуация была ровно такой же.

У этого жемчуга изначально почти не было духовной природы, а после добычи его даже не удосужились нормально сберечь, выставив напоказ в качестве украшения — просто глупость какая-то.

Если бы его хранили должным образом, он бы еще мог послужить лекарственным сырьем, а

теперь годится разве что лица смертным мазать.

Мысленно дав привычную оценку, он в очередной раз пожал плечами: здешних людей ему было не понять.

Вешать такое ради красоты — для укрепления силы это бесполезно, продлению жизни не способствует, просто красуется на видном месте. И зачем столько повесили?

Жизнь смертных коротка и мимолетна, надежд на продвижение в культивации нет, вот они и ударились в праздность, вечно занимаясь какой-то ерундой.

Какая скука.

Сделав такой вывод, Данчи снова затосковал по своему партнеру по даосскому пути.

Его партнер по даосскому пути никогда бы не стал заниматься подобной чепухой.

При мысли о Чуйсюэ настроение вновь испортилось.

Чуйсюэ соблюдал пост и не пошел вместе с ними.

Но раз уж Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу отправлялись на пир, с какой стати они заставили тащиться с собой именно его?

Данчи недовольно нахмурился.

А ведь он вполне мог остаться снаружи вместе с Чуйсюэ.

Он даже помогал партнеру по даосскому пути принимать ванну, так почему же на время поста ему запретили находиться рядом!

С досадой подумав об этом, он бросил косой взгляд на сидевшего рядом и непринужденно болтающего Лу Сяофэна.

Всё из-за этого сомнительного типа, иначе он мог бы тихонько подождать снаружи у комнаты да еще и сделать Чуйсюэ сюрприз.

При этой мысли уголки его губ слегка приподнялись, и он подумал про себя, что в сердце партнера по даосскому пути он всё же занимает особенное место: наверняка Чуйсюэ просто жалел его, раз не позволил помогать. От этой мысли на душе у Данчи сразу стало чуточку теплее.

Заметив, что Данчи неотрывно смотрит на жемчуг, Хуа Маньцан решил, что тому пришлось по душе украшения, и поспешил с пояснениями:

— Всё это жемчуг, который хозяин этого заведения собрал из самых разных мест. Они отобрали камни схожего размера и одинакового цвета и инкрустировали ими стены. Когда по вечерам зажигают свечи, от этой красоты просто глаз не оторвать.

Данчи ничего не ответил.

Зная, что этот гость не желает общаться ни с кем, кроме Сименя, Лу Сяофэн поспешил перехватить инициативу, чтобы избавить второго брата Хуа от неловкости, и с улыбкой произнес:

— Ха-ха, хозяин этого заведения и вправду широк душой. Будь у меня столько жемчуга, ни за что не стал бы выставлять его напоказ на потеху другим — куда лучше разложить его вокруг собственной постели и любоваться.

Спальня?

Данчи снова посмотрел на жемчужины.

Значит, спальня...

Интересно, как должна выглядеть спальня, которую они делят с Чуйсюэ?

В его груди шевельнулось смутное желание.

В конце концов, почему бы изредка и не позволить себе немного роскоши? — утешил он себя. В конце концов, среди практикующих в секте находились те, кто обменивал ресурсы на бесполезные безделушки. В этом не было ничего предосудительного, если баловать себя лишь изредка, на постижение Дао это никак не повлияет.

Снова подняв взгляд на сияющие жемчужины, он поймал себя на том, что в глубине его глаз мелькнуло вождение.

Данчи погрузился в собственные мысли.

Лу Сяофэн, наблюдая за его выражением лица, сам не понял почему почувствовал, как по спине пробежал холодок.

— Если подумать, я ведь как раз договорился о встрече с хозяином этого места, потому мне и

нужно было здесь оказаться, — с улыбкой пояснил Хуа Маньцан.

— Какое совпадение! — тут же подхватил Лу Сяофэн, не давая разговору угаснуть.

Хуа Маньлоу тоже заинтересовался:

— Второй брат, а какие дела привели тебя сюда?

Хуа Маньцан ответил:

— Старшему брату нужно подготовить кое-какие подарки, так что я договорился с торговцем драгоценностями о закупке партии товара.

Старший брат семьи Хуа состоял на чиновничьей службе при дворе и постоянно нуждался в вещах для подношений, и организацию всего этого обычно брал на себя Хуа Маньцан.

Второй брат ведал всеми торговыми делами клана, в то время как остальные члены семьи тоже обладали собственными талантами. Глава семьи, Хуа Рулин, вырастив столько преуспевающих сыновей, под завистливые вздохи старых друзей заблаговременно отошел от дел и зажил жизнью богатого праздного землевладельца.

— Торговец драгоценностями? Самого крупного здешнего купца случайно не Янь зовут? — задумавшись, произнес Лу Сяофэн.

Хуа Маньцан кивнул:

— Именно так, хозяин Янь.

Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу переглянулись.

Увидев это, Хуа Маньцан озадаченно спросил:

— Вы знакомы с этим хозяином Янем?

— Доводилось слышать, — отозвался Лу Сяофэн.

Какое ирония судьбы: они еще даже не начали поиски, а этот Янь Тешань сам лезет на рожон.

Во время обеда Лу Сяофэн и Хуа Маньлоу изо всех сил старались оживить атмосферу, но виновники торжества никак не шли на контакт, так что трапеза выдалась на редкость неловкой.

и вымученной.

Лу Сяофэн утер со лба пот, поклявшись себе впредь ни за что не вмешиваться в их дела.

Изначально Данчи вообще не собирался идти на этот званый обед — во всем был виноват Симень, настоявший на том, чтобы он силой притащил сюда остальных. В итоге вся церемония благодарности превратилась в сущую сухую формальность, и куда проще было бы просто зайти в гости лично и передать подарки.

Теперь же получалось, что за весь обед тот, кого должны были благодарить, даже палец о палец не ударил, чтобы принять эту благодарность и заслуги, а тот, кто благодарил, сидел с совершенно ошарашенным видом, ничего не понимая. Сам же он изо всех сил пытался сгладить углы, словно выслуживаясь перед кем-то, а Хуа Маньлоу вдобавок под конец открыто принялся посмеиваться над ним.

Да чем он перед ними провинился?! Зачем его вечно зажимают между этими двумя?!

Лу Сяофэн едва дождался окончания трапезы, как вдруг в комнату с наигранной широкой улыбкой и громким смехом вошел какой-то человек.

— Второй господин Хуа!

Вошедший облачился в расшитые шелка, телосложением обладал плотным и выглядел типичным зажиточным толстосумом, однако стоило ему заговорить, как его голос оказался неожиданно тонким и пронзительным, хотя он и пытался нарочно придать ему басовитые нотки.

О да, от этого он стал еще больше походить на евнуха, тщательно скрывающего свое истинное положение!

Хуа Маньцан нерешительно поднялся с места:

— Хозяин Янь?

Янь Тешань с пылким энтузиазмом приблизился:

— Второй господин Хуа, я не помешал? Увидел, что вы заканчиваете, и только тогда осмелился зайти побеспокоить вас.

Вежливо ответил Хуа Маньцан:

— Нисколько не помешали, мы как раз собирались расходиться!

Услышав это, Янь Тешань рассыпался в любезностях еще сильнее:

— Второй господин Хуа арендовал здесь ресторан для приема гостей, а люди внизу проявили полное невежество! Стоило второму господину Хуа лишь обмолвиться словом, как они тут же посмели взять с вас деньги!

— Ха-ха! Вы слишком любезны. — Хуа Маньцан, не понимая истинной цели его визита, поспешил ответить любезностью на любезность.

— Должно быть, это и есть молодой господин Хуа Маньлоу? — Янь Тешань беззастенчиво перевел разговор на другого гостя.

— Именно так, мой младший брат, — кивнул Хуа Маньцан.

Хуа Маньлоу тоже поднялся и слегка склонил голову:

— Хозяин Янь.

Янь Тешань восхищенно покачал головой:

— Как же завидно должно быть господину Хуа! Все сыновья в клане Хуа — истинные драконы среди людей, и сегодня, увидев седьмого молодого господина воочию, я убедился, что слухи не лгут.

— Хозяин Янь слишком щедр на похвалы, — скромно произнес Хуа Маньцан, хотя на лице его читалась нескрываемая гордость.

Бросив на него взгляд, Янь Тешань сразу понял, что угодил прямо в точку.

Переведя глаза на Лу Сяофэна, он снова улыбнулся:

— Ха-ха, а это, надо полагать, тот самый Лу Сяофэн с четырьмя бровями! Младший брат так талантлив, и друзья у него под стать.

Посмотрев на Лу Сяофэна, Янь Тешань рассмеялся:

— Лу Сяофэн, я уже давно мечтал с тобой познакомиться!

Лу Сяофэн улыбнулся в ответ:

— Я тоже не прочь познакомиться со столь щедрым хозяином Янем.

Тогда Янь Тешань повернулся к последнему гостю — Данчи, и с сомнением на лице осведомился:

— Прошу прощения, а это кто?

Данчи сидел неподвижно, глядя в окно, и даже не думал вступать в их беседу.

Лу Сяофэн тоже промолчал.

Выражение лица Янь Тешаня постепенно окаменело.

Хуа Маньцан поспешно вмешался с улыбкой:

— Этот благородный господин — тот самый чудо-целитель, что вернул зрение нашему Цитуну. Сегодня я устроил этот пир именно в знак благодарности целителю.

— Что? — изумленно воскликнул Янь Тешань. Он тоже был наслышан о том, что седьмой господин Хуа от рождения был слеп, но никак не ожидал, что тот полностью исцелился. Не удержавшись, он бросил взгляд на Хуа Маньлоу и убедился, что тот ничем не отличается от обычных людей.

Торопливо он произнес:

— Поздравляю, мои поздравления!

С этими словами он с нескрываемым удивлением посмотрел на человека, способного на столь великие чудеса.

Хотя этот гость за всю трапезу почти не раскрыл рта, но даже в молчании от него исходило какое-то особенное, благородное достоинство.

Хуа Маньцан решил, что тот, должно быть, происходит из древнего и глубокого рода и с детства обучен изысканным манерам, поэтому даже держась холодно и не стремясь сближаться с окружающими в подобной обстановке, он никому не давал повода почувствовать себя ущемленным.

За весь долгий обед Хуа Маньцан ни разу не видел на лице Данчи столь явного раздражения:

даже когда Лу Сяофэн без умолку докучал ему разговорами, тот лишь хмурил брови, но в его глазах не было и следа отвращения.

Хуа Маньцан сделал незаметный шаг вперед, загораживая Данчи от взглядов Янь Тешаня, и с улыбкой обратился к купцу:

— Скажите, хозяин Янь, какие дела привели вас ко мне?

Сообразив, что его любопытство было слишком заметным, Янь Тешань поспешно отвел глаза, жизнерадостно рассмеялся и объяснил:

— Видите ли, в чем дело: ко мне совершенно неожиданно пришли с письмами двое старых друзей, желающих встретиться, и так совпало, что дата приезда пришлась ровно на тот же день, о котором мы договаривались со вторым господином Хуа. Узнав, что второй господин трапезничает здесь, я осмелился потревожить вас, чтобы заранее обсудить наши дела.

Янь Тешань хотел поговорить с Хуа Маньцаном о торговле заранее.

Но в этот момент Лу Сяофэн неожиданно вставил:

— Хозяин Янь, вы сколотили столь колоссальное состояние, однако никто в околотке так и не знает, с чего именно вы начинали свое дело. Не соизволите ли сегодня просветить нас?

При этих словах лицо Янь Тешаня мгновенно потемнело. Уставившись на Лу Сяофэна, он процедил:

— Лу Сяофэн, что это значит?

Лу Сяофэн непринужденно улыбнулся:

— Мне просто стало любопытно.

Янь Тешань холодно фыркнул:

— Хм! Полагаю, это ты не для себя спрашиваешь, а по чьей-то указке?

Лу Сяофэн не изменился в лице:

— Судя по всему, хозяин Янь прекрасно осведомлен о том, что в последнее время к нему навешиваются люди с требованием вернуть долги. Так не желает ли хозяин Янь как следует свести дебет с кредитом со своими кредиторами?

Лицо Янь Тешаня помрачнело окончательно:

— Я понятия не имею, о чем ты толкуешь! Господин Хуа, похоже, сегодня не лучший день для дел, прошу меня извинить, мне пора! — С этими словами он сложил руки в поклоне перед Хуа Маньцаном и, бросив торговлю, стремительно и гневно зашагал прочь, посиневший от злости.

История омовения

Омовение и пост обычно совершаются перед тем, как предстать перед важными людьми или провести особый ритуал: участники заранее очищают тело и соблюдают воздержание.

Омовение означает смывание с тела всей грязи, а пост — избавление от суетных мыслей; вместе они символизируют чистоту духа и тела, подчеркивая всю торжественность момента.

Симень Чуйсюэ перед каждым убийством неизменно предавался омовению и посту.

Вот и в этот день он приготовил горячую воду, брусок мыла и полотенце, намереваясь как следует очистить тело и дух.

Но едва он собрался приступить к делу, как в комнате внезапно возник человек. Проигнорировав помрачневшее лицо хозяина, непрошенный гость с улыбкой подкатился ближе

и бесстыдно объявил:

— Чуйсюэ, давай я помогу тебе вымыться!

Среди клубящихся белых испарений лицо Сименя Чуйсюэ становилось всё холоднее. Словно не замечая этого, Данчи с уверенным и размеренным видом протянул к нему руку... и сложил печать.

Вспышка очищающего заклинания мгновенно окутала фигуру Сименя Чуйсюэ, сделав его безупречно чистым и сияющим с головы до ног.

— ...

Молчание. Долгое, зловещее молчание, в тишине которого даже вода в кадке перестала испускать пар.

Данчи счел себя просто великолепным.

И, всё еще не оставляя дурных замыслов, добавил:

— Чуйсюэ, я могу помочь тебе и с постом! — и тут же наложил заклинание очищения сердца, чтобы успокоить мысли.

Симень Чуйсюэ:

— ...Пошел вон.

<http://bllate.org/book/22050/2292935>